

Николай Лугинов

Классик современной якутской литературы Николай Алексеевич Лугинов родился в 1948 году. 14 августа писателю исполняется 75 лет. Первые его публикации состоялись в журнале «Хотугу сулус» в 1974 году. Спустя два года вышла первая книга рассказов. Ныне он автор более тридцати книг прозы, в том числе — романа «По велению Чингисхана» (1997–2005), по которому в 2009 году был снят фильм «Тайна Чингис Хаана» — первый широкомащтабный проект якутского кино, объединивший якутов, тувинцев, бурят, калмыков, башкир, монголов и другие азиатские народы. Фильм «Надо мною солнце не садится» (2019), снятый по мотивам его повести «Таас Тумус», был отмечен премиями на Московском международном, Шанхайском и многих других кинофестивалях. На сегодняшний день Н. А. Лугинов — писатель-новатор с ярко выраженным национальным колоритом и самобытностью. Произведения переведены на китайский, французский, польский, сербский, немецкий, татарский, башкирский и др. языки. В последние десятилетия писатель работает над серией произведений о хуннских военных деятелях, в том числе о великом мыслителе Лао-Цзы, продолжая тему сложных взаимоотношений китайской и хуннской империями в V–III вв. до н. э. Живет и работает в Якутске.

Редакция журнала «Аврора» поздравляет Николая Алексеевича с юбилеем и желает ему крепкого здоровья и творческого долголетия.

Братья^{1 2}

1. Разговор с учеником

Шелковый шатер Акола стоял посреди поляны с редкими хвойными деревьями. Возле него пролегли странно вытопанные тропинки, необычно прямые и потому напоминавшие медвежьи тропы. Около шатра никого не было, но, когда У Хуан приблизился, навстречу выбежал Акол, видимо, узнав учителя по шагам:

¹ Новеллы из романа в повестях «Время перемен».

² Перевод Владимира Крупина.

— О, Бахсы мой, наконец-то!.. Я так ждал вас!

Хоть и привык У Хуан к облику своего воспитанника, но и сейчас будто споткнулся, остановился, вновь поразившись широко открытым синим глазам, удивительно глядевшим на него осмысленно и зряче, радостно блестящими. Всякий раз ему становилось немного не по себе от этого ясного и, казалось, куда более зрячего и пронизательного взгляда, чем у всех них, земных и грешных...

Акол склонил голову перед учителем, почтительно сложил руки:

— Как вы мне нужны, мой дорогой Бахсы! Мне надо очень многое вам рассказать и о многом расспросить. А еще и посоветоваться с Вами.

— И я очень соскучился по тебе, мой друг. Есть и мне что рассказать тебе.

— А я уже знаю, что вы с моим дедом собираетесь оставить службу. Ну что ж, давно пора. Надо и для себя, а главное — для своих дум, для души своей пожить.

В шатре он предложил учителю мягкую верблюжью циновку и подал две подушки. Сам устроился напротив, тут же откуда-то достал кувшин с прохладной родниковой водой и, не пролив ни капельки, наполнил глиняную чашку и подал ее учителю.

— Да, мы с твоим дедом уже скоро будем отставники, — сказал У Хуан, внимательно следя за выражением лица, за каждым движением мальчика. — Ты это хорошо сказал, что надо и для дум своих, для мыслей пожить. Привести их в порядок, оглядеться вокруг, осмыслить прожитое. А то ведь, считай, впопыхах прошла почти вся жизнь...

Акол меж тем вертел в руках длинную тонкую бамбуковую палку, назначение которой заинтересовало учителя. Она явно не служила палочкой-поводырем для слепого, ибо две такие висели у входа... Для чего она тогда? У Хуан, внимательно следивший за движениями Акола, заметил, что он держал палку навесу, наконечником вверх, и никогда не касался им земли.

— Неужели вы недовольны отставкой? — спросил пронизательный юноша; У Хуан отметил, как он подрос в последнее время. — Это даже странно... Ведь служба — чрезвычайно трудное и подчас опасное дело. Тем более не на каких-нибудь два-три года, а почти на всю жизнь.

— Так-то оно так... Но человек — странное существо. Он со временем привыкает ко всему и любые пути начинает воспринимать как нечто родное и даже необходимое. Надень на нас с твоим дедом бронзовые ошейники или хомуты — мы привыкнем и к ним, а когда их, наконец, снимут, начнем маяться.

— Да? Что ж, похоже, что это так...

Акол глубоко и многозначительно вздохнул и, как бы для себя, вполголоса невнятно пробормотал:

— Да-да, вот о чем был сон, который я не смог понять... не смог распутать смысл иносказания. Сейчас все ясно...

И уже обычным голосом:

— Но жаль, что ваша отставка больно отзовется в армии и скажется на всех нас.

— Ничего, Акол, это обычное дело. Мы достаточно послужили. Надо и другим уступить место вовремя, чтобы набирались опыта. Без потерь ничего не обходится в жизни. Даже малый ребенок учится ходить через падения, ушибы, ссадины.

— Если бы только малый, — со вздохом произнес Акол и замолчал, явно не желая дальше об этом говорить.

Старый Бахсы догадался: юноша знает нечто большее и, скорее всего, весьма неприятное, и тоже не стал продолжать разговор на эту тему. «Чему быть, того не избежать, — подумал он. — Удивителен все-таки мир, в котором мы иногда считаем себя вершителями судеб не только отдельных людей, но и целых народов. Полагаем, что мы сильны, что уверенно и крепко стоим на ногах. А этот мальчик загодя увидел сон о том событии, которое свершилось только сегодня и чем-то грозит всем нам. Правда, тогда он не смог понять, о чем конкретно был сон. Но в итоге понял... Значит, рядом с нашей реальностью существует иная, где намного раньше становится известно то, что произойдет через месяцы или годы здесь. Неужели наши мысли, помыслы, деяния заранее предопределены? Боже, прости нас, грешников, которые не ведают воли Творца и Создателя!»

С глубоким сожалением У Хуан понял, что ему ни при каких обстоятельствах не удастся отговорить юношу от опасной затеи, на которую тот решился. Тут явно прослеживается влияние неких сил на этого поистине божьего человека, который, впрочем, знает и понимает намного больше, чем все мы, грешные. Человек учится в основном на пережитой боли, на своих или чужих неприятностях, и лишь небольшую часть знаний постигает умом, рассудком. Из-за этого и все беды.

— Ну, ладно, дорогой, я пойду. Много дел. Шутка ли — готовиться к свободе! Перед отъездом еще зайду к тебе, — сказал У Хуан и встал.

— Как же, уважаемый Бахсы, вы главное забыли сказать!

— Что? — У Хуан сделал вид, что искренне удивился. — Может, что и забыл... Память от старости совсем негодной стала.

— Ну, что вам бабушка моя поручила?..

— Ах, вон оно что... — У Хуан восхищенно посмотрел на своего ученика. — Об этом-то, конечно, я помню... Но, мой друг, я понял, что тебя

уже не переубедить, и не решился отговаривать. Зачем озвучивать изначально обреченные мысли?

— Да, вы правы, мой дорогой Бахсы. — Они уже вышли из шатра под ясное, все ведающее небо. — Меня действительно не отговорить. Я давно и твердо принял решение. Я обязан совершить этот путь, чего бы это ни стоило.

— Но это путь опасный, почти гибельный... Стоит ли так рисковать? Так ли это необходимо?

— Я должен... Нет, я обязан! — твердо повторил Акол и с силою воткнул свою бамбуковую трость в песок. — Это мое предназначение!

— При принятии такого решения человек должен думать не только о себе, но прежде всего о своих родных. Что будет с бабушками, дедом, братом и другими близкими, если не дай бог с тобой что-то случится?

— Да, я подумал... Путь опасный, но необходимый, — и если бы только для меня... Об этом я не хочу говорить. А если что случится... что ж, пусть! Все в руках Тэнгри Всемогущего... Значит, такова будет моя судьба, прописанная на небесных скрижалях.

2. Время перемен

Уходя от шатра воспитанника, У Хуан вдруг почувствовал ломоту во всем теле, словно на него навалилась усталость многих лет. Чтобы справиться с мыслями, он направился на обрывистый берег реки. Внизу мерно и успокаивающе гудело горное течение. На другом берегу виднелась заросшая камышами и молодым бамбуком низина. А еще дальше простиралась широкая степь, которая через двадцать пять-тридцать ли (по китайским меркам, а по хуннским — полтора-два кес) постепенно переходила в песчаную пустыню. Эта пустыня, как море, разделяла север и юг. Не всякий преодолевал ее даже весной и осенью, когда раскаленные пески источали гибельный для всего живого жар, а уж летом и подавно мало кто мог уцелеть в этом безводном пекле.

У берега реки этого не чувствовалось. Над широким открытым простором играла, алела удивительной красоты вечерняя заря.

Поговорив с бывшим воспитанником, У Хуан понял, что не только ему, но и никому другому не удастся повлиять на Акола, заставить его отказаться от задуманного или свыше указанного ему, и жалкие расчеты властной Хотун тут бессильны. Разве что приказом, силой удержать его от паломничества. Но на это родные вряд ли пойдут...

Юноша в свои шестнадцать лет уже вырос, созрел духовно, возмужал. Это уже не прежний мальчик со множеством самых невероятных вопросов, догадок и прозрений, а взрослый, самостоятельный и, главное, незаурядный человек. К тому же мудрый: в последние два-три года

общения с ним У Хуан стал понимать, что ученик своими познаниями и пониманием мира давно и намного перерос своего учителя.

Приходится признать: в странных мечтаниях и желаниях воспитанника есть его вина. Именно он, У Хуан, с раннего детства мальчика рассказывал ему об огромном, исполненном всяких чудес и великих тайн мире, именно он заразил его жаждой знаний — этой «гнилой китайской немочью», как здесь говорят, открыл внутреннему взору воспитанника всю красоту и совершенство мироздания. Его слова и стали зернами, спустя некоторое время давшими всходы в душе воспитанника. Он, У Хуан, несколько раз рассказывал Аколу и другим мальчикам о паломничествах по святым местам, об отшельниках-долгожителях, обитающих в горах Куньлуня, куда старцы уходили молиться Тэнгри. Мальчики с особым интересом восприняли его рассказы о старцах, выпрашивали подробности их жизни там. У Хуан честно признался, что слышал это от других людей, и ему никогда не доводилось самому встречаться с побывавшими там.

Однажды в разговор неожиданно вмешался поводырь Хойгур, обычно тихо сидевший в сторонке, подремывая или ковыряя в носу. Это был с виду глупый и довольно наглый малый. Обыкновенно во время занятий, которые продолжались довольно долго, он засыпал, иногда похрапывая и бормоча во сне. Тогда Акол тихо подталкивал его бамбуковой палкой в бок. Тот сразу переставал храпеть, но продолжал спать. Но в тот день раздосадованный храпом брат Акола, Бабыр, так двинул Хойгура кулаком в спину, что бедный поводырь проснулся и, немного послушав, вдруг подал голос:

— Все это вранье! Не может человек четыреста лет жить! Да и холодно в горах, и есть там нечего...

— Ну-ка замолчи, дурак! Что ты в этом понимаешь?! Для тебя главное — поесть и поспать. И уйди отсюда, а то получишь! — взвился Бабыр.

— Да ладно тебе, Бабыр, что ты на убогом свою силу пробуешь, — тихо возразил Акол.

— Да не убогий он, все при нем. Просто он — лентяй, врун и прохиндей. Как ты его только терпишь?

— Нет, ты ошибаешься. Хойгур вовсе не так прост. В нем есть нечто, что прояснится потом. И вы все еще восхититесь...

— Ну, что ты городишь? Он же постоянно врет — даже без нужды, так, на всякий случай...

— Может, иногда немного и привирает, но он делает это искренне, без дурного умысла. Как бы понарошку, не со зла.

— Тоже сказал: врет, но искренне... Как это понять? — съязвил Бабыр. — Уж не знаю, кто из него вырастет; но если потакать, если не пресечь вовремя его глупости, то из него выйдет большой прохиндей.

— А ты груб и жесток, Бабыр.

— Возможно. Но, если бы он был в строю моих нукеров, я бы живо вытравил из него всю дурь. Он бы стал у меня шелковым.

— Какой ценой? Ты бы его выправил, сломав силой его человеческую суть?

— А как надо? Неужто одним добром и лаской?

— Надо не силой заставлять, а убедить, воспитать человека. А то, как делаешь ты, может, даст быстрый результат, но вряд ли долговечный, ведь человек тебе подчинится из страха перед наказанием. Он будет подстраиваться под твои команды и требования, подавляя свое несогласие, свой протест...

— Ладно... Возможно, своих нукеров я и переламываю, добиваясь от них беспрекословного подчинения. Но ведь им же во благо! Они, пройдя затем бои, неся потери, совершенно преобразуются и остаются такими до конца, изменившимися.

— Скажи — поменявшими внутреннюю форму, а снаружи прошедшие обжиг. То же происходит с глиной, которая, пройдя через печь, обжигается и навсегда принимает ту форму, которую насильно ей навязали.

— Но не случайную, а приданную рукой мастера. Будто она была изначально предназначена для этой формы. И в этом большая разница.

У Хуан всегда с интересом слушал споры братьев и редко вмешивался в них: сами разберутся. И хотя младший из них, Бабыр, был резковат в суждениях, он, тем не менее, всегда соблюдал невидимую черту старшинства, и в конце концов уступал брату, причем не для виду, а искренне, как истинный хунн, подчиняясь мнению старшего, более сведущего во всем. С ранних лет он имел predeterminedенную изначально черту ратного человека, безоговорочно и без сомнения умеющего подчиняться старшему, командиру.

Когда братья еще были маленькие, в пылу спора они иногда обращались к У Хуану, чтобы он рассудил их. У Хуан, однако, не подсказывал готового решения, уклонялся от прямого поучения, оставляя возможность им самим разобраться, лишь намеками наводя порой на правильный ответ. Сам он не считал себя воспитателем и свои способности в этом деле оценивал невысоко; просто так уж получилось, что оказался близким к семье сегуна и стал приглядывать за мальчиками, опираясь больше на добродетельный инстинкт и здравый смысл, чем на педагогические знания.

Братья были очень разными, будто предназначенными для диаметрально противоположных целей. Особенно поражал старший. Было непонятно, откуда незрячий мальчик мог набраться обширных знаний

о мире, отгороженном от него непроницаемо темной, казалось бы, стеной слепоты. При своей занятости У Хуан не так часто мог навещать их и доносить до них свои познания, и поэтому никак не ставил себе в заслугу умственные успехи Акола. Малейшие, поступившие из любых источников сведения о самых далеких явлениях и предметах Акол умел тщательно собирать, накапливать и возвращать самой силой своей мысли, превращая постепенно гору фактов и сведений в мудро выстроенное и глубокое знание о мире. Многие сведения он получал странным образом. То ли это ему приснилось, то ли он пообщался с очередным гостем, а может, с кем-то потусторонним или сверхъестественным, — У Хуану, очень хорошо знавшему Акола и все его окружение, было непонятно. И поэтому в общении с ним он старался быть осторожным и деликатным, как со всякой явной, но до конца еще не известной силой.

Со странным ощущением внутренней раздвоенности покинул он шатер своего подопечного. С одной стороны, он был обескуражен, что не только не сумел убедить Акола отказаться от опасной поездки, но и даже не посмел, не попытался отговорить его. Хотун, конечно, будет огорчена и недовольна им. Она так надеялась на благополучный исход его, можно сказать, миссии. Но, с другой стороны, он был доволен твердым, непреклонным решением Акола, потому что видел: его поступок вызван не капризом избалованного юноши из привилегированного сословия, а призванием свыше на непонятный ему, китайцу, подвиг паломничества в безлюдные и дикие горы... Вероятно, что в судьбоносное для всего Срединного мира время рядом с ними уже происходят некие знаковые события, от которых зависит дальнейшее течение жизни на земле, — и Акол их предчувствует...

У Хуан опять вернулся на каменистый берег реки, прислонился к огромному валуну и впал в раздумья. Внизу грозно рокотала на своем неведомом языке река, над берегом носились ласточки, над перекатом кружились, выслеживали рыбу чайки — так же, наверное, как и тысячи лет назад. Что руководит человеком, кроме непосредственной телесной нужды добывания еды, одежды, крыши над головой? Откуда у него возникают те или иные, порой абсурдные желания? Почему вдруг целый народ срывается с обжитого веками места, бросая нажитое трудом и потом, и без оглядки устремляется неведомо куда? И кто вселяет в человека совершенно не характерные для него мысли?..

Нас окружает столько неизвестного, неподвластного разумению и опыту, что впору смириться и задуматься над своим местом в мире. Но мы чрезвычайно самоуверенны и, кажется, словно не замечаем ничего тайного вокруг, не ощущаем, не видим, не слышим, отрицая или игнорируя, отменяя все непонятное. И потому трудно, почти невозможно опре-

делить, что из этого тайного имеет явное влияние на нашу жизнь. А оно проявляется в самые судьбоносные моменты, предопределяя будущее, и тогда явно угадывается чье-то высшее вмешательство. Может, поэтому люди стали верить в судьбу, которая предначертана еще до рождения? Но кто может творить это предначертание, кроме самого Создателя всего сущего? Лишь по Его воле формируется судьба каждого отдельного человека, занимающего отдельную нишу во всеобщей истории мира.

Вот о неожиданных решениях, которые однозначно могут вести к гибели, и надо бы думать. Жизнь любого человека подобна паломничеству слепого: что только ни ожидает его на ее неведомых путях, сколько опаснейших случайностей подстерегает. Если дикие звери не растерзают, то разбойники могут убить... Перейдя пылающую безводную пустыню, можешь замерзнуть в горах, утонуть при переправе через бурные реки, погибнуть от голода, заблудиться или сорваться в пропасть...

Кому теперь понадобилась новая жертва, кажущаяся такой бесполезной? Зачем беспомощного направлять по безнадежному пути?.. Откуда к нему снизошла эта мысль — пройти по святым местам Куньлуня? Мысль-то, может быть, и святая, — но зачем убогому совершать такое опасное путешествие? Ведь говорится же, что всякая молитва, где бы она ни была сотворена, вмиг достигает ушей Тэнгри Всемогущего...

Тяжело вздохнув, оттолкнулся У Хуан от валуна, направляясь к шатру Хотун. Он побрел, как тот верблюд из крепости Уай, имя которого он принял здесь, в хуннском плену. Так получилось, что верблюду дали человеческое имя, а он здесь принял, как это ни печально, верблюжье...

Верблюд Хуан перед крутым подъемом с почти человеческим криком вздыхал и медленно поднимался вверх, нагруженный тяжелыми тюками. Обычно ему доверяли самый дорогой и тяжелый груз.

Человек Хуан с опущенной головой подошел к шатру Хотун и, не решаясь сразу войти и потоптавшись, сел у входа. То ли привратницы доложили, то ли сама она ждала его, но Хотун вышла навстречу и молча села рядом. Она все поняла, только увидев его лицо.

— Что ж... Придется покориться предназначению. По всему видно, что оно свыше, — тихо, подавленно промолвила она. — Ты уж прости меня, что возложила на тебя непосильное. Твой авторитет учителя был для меня последней надеждой. Если уж тебя, своего Бахсы, не послушался Акол, то все отныне в божьих руках. Придется смириться, покориться и ждать...

Он молчал. Тяжело было видеть согбенные плечи всегда прямой и гордой, властной в своих распоряжениях Хотун...